

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2016

Пенелопа Цилкок

В ОКОЛО и ГОЛУБЬ

Книга первая

ББК 86.37

У 36

Перевод с английского

Penelope Wilcock
THE HAWK AND THE DOVE

Originally published in English
by Lion Hudson plc,
Oxford, England.

All rights reserved.

Уилкок, Пенелопа

У36 Сокол и голубь / Пер. с англ. — СПб.: ЛКС,
2016. — 304 с.

ISBN 978-5-94861-222-5 (ЛКС)

ISBN 978-5-905913-92-5 (Виссон)

В этой книге, первой в серии романов «Сокол и голубь», переплетаются два временных плана: сегодняшняя жизнь простой семьи в восприятии девочки-подростка и жизнь монахов-бенедиктинцев четырнадцатого века, о которой рассказывает мать девочки. Незамысловатые на первый взгляд рассказы о прошлом сосредоточивают внимание читателя не на событиях, а на героях. Наблюдая, как Бог шлифует души обитателей монастыря, начинаешь понимать, что это имеет прямое отношение ко всем нам. Все люди, неважно, когда и где они родились, проходят одну и ту же школу у Бога.

ББК 86.37

ISBN 978-1-78264-139-1 (*Lion Hudson*)

ISBN 978-5-94861-222-5 (ЛКС)

ISBN 978-5-905913-95-2 (*Виссон*)

© Penelope Wilcock, 1990

© Издательство «Виссон», 2016

*Посвящается Дэвиду Боусу
с глубокой благодарностью*

Предисловие

За долгие годы, пока эта серия книг выходит в печати, многие люди успели высказаться о ней в обзорах. Чаще всего выражают противоположные мнения по поводу композиционного построения первых двух томов, так что в итоге я сочла полезным дать небольшое пояснение.

Первая книга из этой серии, «Сокол и голубь», написана в виде отдельных рассказов из жизни средневекового монастыря, которые мать пересказывает своей дочери современным языком.

И эта структура, и несколько наивный стиль изложения были выбраны мной не случайно, мне хотелось отдать дань уважения двум средневековым текстам — «Кентерберийским рассказам» Чосера и «Цветочкам святого Франциска Ассизского».

В «Кентерберийских рассказах» используется литературный прием «рамочной конструкции», а «Цветочки» представляют собой сборник коротких (не вымышленных) историй, где описывается зарождение францисканского движения, приведшего к созданию ордена.

Увлеченная стилем и структурой этих древних текстов, я решила выстроить роман «Сокол и голубь» подобным же образом. Это дало мне возможность балансировать между двумя мирами — средневековым и современным, монастырским и светским, женским и мужским. Во второй книге, «The Wounds of God», я придерживалась той же модели. А вот в следующих томах выбранные темы уже не укладывались в рамки этой конструкции, так что в «The Long Fall» и далее я от нее отказалась.

Теперь, двадцать пять лет спустя после опубликования первой книги, когда серия возвращается (в этом новом издании) после долгого и успешного путешествия по Америке обратно в Англию, где все начиналось, я подумала, не переписать ли первые два романа в обычном повествовательном стиле, который присущ остальным томам.

Но в конце концов решила не делать этого. Отчасти потому, что многим матерям понравилась сама идея семейных преданий, отчасти ради многих читателей, чья жизнь наполнена заботами и спешкой и кто был рад получить роман, разбитый на короткие главы, которые удобно читать во время обеденного перерыва или перед сном. А кроме того, я люблю святого Франциска и Чосера и весь мир Средневековья и хотела таким

образом выразить им свое признание. Наконец, я до сих пор испытываю нежные чувства к своему литературному дебюту, которым стал «Сокол и голубь». Мне кажется, в нем есть что-то от простоты Самого Иисуса.

*Пенелопа Уилкок,
февраль 2015 г.*

Община аббатства Святого Алкуина

Монахи

Брат Эдуард	<i>инфирмариий</i>
Отец Чад	<i>приор</i>
Отец Колумба	<i>аббат — известен как отец Перегрин</i>
Отец Лукан	<i>престарелый брат, упоминается вскользь</i>
Брат Джон	<i>работает в лазарете</i>
Брат Гилберт	<i>регент</i>
Брат Киприан	<i>привратник</i>
Отец Мэтью	<i>наставник послушников</i>
Брат Валафрид	<i>травник / винодел</i>
Брат Джилес	<i>помощник травника</i>
Брат Майкл	<i>помощник повара / инфирмария</i>

Брат Эндрю	<i>повар</i>
Брат Амброз	<i>келарь</i>
Брат Клемент	<i>служит в скриптории и библиотеке</i>
Брат Фиделис	<i>садовник, особенно пристрастен к розам</i>
Брат Питер	<i>заботится о лошадях</i>
Брат Марк	<i>пчеловод</i>
Брат Стивен	<i>управляющий фермой</i>
Брат Мартин	<i>привратник (сменивший брата Киприана)</i>
Брат Паулин	<i>садовник</i>
Брат Доминик	<i>гоститалий, или странноприимный монах</i>
Брат Пруденций	<i>работает на ферме</i>
Брат Бэзил	<i>престарелый брат, помогает в странноприимном доме</i>
Отец Жерар	<i>елемозинарий</i>

Послушники и постуланты

Брат Томас	<i>личный помощник аббата; кроме того, работает на ферме</i>
Брат Кормак	<i>работает на кухне</i>

Брат Теодор	<i>основная работа — переписчик и иллюстратор рукописей</i>
Брат Френсис	<i>работает в самых разных местах</i>
Брат Таддеус	<i>работает в самых разных местах</i>
Жерар Пламли	<i>позже — брат Бернард</i>
Брат Ричард	
Брат Дамиан	
Брат Джозефус	
Брат Джеймс	

Больные или престарелые братья, проживающие в лазарете

Брат Денис	<i>бывший пчеловод</i>
Отец Элред	<i>из лазарета — в этой книге не упоминается</i>
Отец Анселм	<i>из лазарета — в этой книге не упоминается</i>
Отец Пол	<i>из лазарета — в этой книге не упоминается</i>
Отец Джералд	<i>из лазарета — в этой книге не упоминается</i>

Глава первая

Жаль, что вы не знали мою маму. Помню, словно это было вчера, как в конце учебного дня я поднималась по склону холма, а там, на его гребне, стояли родители, встречавшие детей из начальной школы, где учились в том числе и мои маленькие сестры.

Все прочие матери выглядели такими пухленькими, уютными в своих скромных цветастых платицах и симпатичных босоножках на небольшом каблучке; у каждой на голове — обесцвеченные завитушки кудрей, а лицо чуть тронуто макияжем — в самый раз для «приличного» выхода на люди. Молодые, общительные

и милые, они весело щебетали, кивали и прыскали, беззлобно перемывая кому-то косточки, пока рядом в колясках вертелись их младшие отпрыски... А на самой верхушке холма, поодаль от остальных, ждала моя мама — высокая, прямая, застывшая, точно пророк. Ее длинная синяя юбка хлопала на ветру, за спиной развевались густые каштановые волосы. Рядом стояла моя сестричка-дошкольница, ее ладошка уверенно покоилась в материнской руке. Малышка всегда знала, что может укрыться в складках этой синей юбки от сурового и непонятного мира детской площадки.

Мама... Она даже не пыталась притворяться красавицей. У нее был волевой подбородок, строго сжатые губы, нос, похожий на соколиный клюв, и пронзительные серые глаза — такие, что смотрели вам прямо в душу, минуя внешнюю оболочку. Под этим взглядом вас переставали волновать пустяки вроде дырки на кофточке, развязавшихся шнурков, сбившейся прически или немытых рук за обедом; зато начинали всерьез тревожить воспоминания о взятой без спросу конфете, неисполненном обещании или о том, как это гадко — удрать от младшей сестры, чьи короткие ножки про-

сто не успевают за вами. Мама... Убрав посуду после вечернего чаепития, она нередко стояла у мойки, опустив руки, и смотрела, как чайки чертят белыми крыльями вечернее небо. В эти минуты заботы дня оставляли ее, а задумчивый взгляд устремлялся куда-то вдаль. Тем временем мы с Терес садились за кухонный стол делать уроки, а младшие сестры бежали играть во двор. С наступлением сумерек мама звала их домой, всегда начиная с младших, купала их за занавеской на кухне, расчесывала им волосы, чистила зубы, помогала переодеться в ночные сорочки и укладывала спать.

Наступал момент выбора для меня и Терес. Дело в том, что в нашем домике, прилепившемся к склону холма у моря среди других таких же лачуг, было всего две спальни, и мы, дети, спали все впятером в одной комнате, на матрасах, расстеленных на полу. Мама терпеть не могла электрический свет — говорила, будто бы он беспокоит спящую душу и отпускает песочного человека^{*}; поэтому, подоткнув

^{*} Песочный человек — фольклорный персонаж, традиционный для современной Западной Европы. Согласно поверьям, сыплет заигравшимся допоздна детям в глаза волшебный песок, заставляя их засыпать. — *Примеч. пер.*

одеяла Мэри и Бэт, затепливала в углу свечу и садилась в низкое, но удобное кресло с младшей, Сесили, на коленях. Если бы она просто ушла — начался бы полный бедлам. Сесили, не пролежав ни минутки, тут же затеяла бы возню, а девочки постарше рассорились бы из-за какой-нибудь мелочи вроде замечания «Хватит сопеть, Бэт: уснуть не даешь!» и в конце концов разревелись бы в голос. Зная об этом, мама каждый раз терпеливо ждала, пока они заснут. Сесили, свернувшись калачиком, тихо дремала у нее на коленях, а Мэри и Бэт перед сном еле слышно ворочались и вздыхали, отчего язычок свечи то и дело подрагивал в темноте. Терес в ту пору было шестнадцать, а мне четырнадцать, и мы уже могли выбирать: остаться ли в нижней комнате, чтобы спокойно читать в тишине, рисовать или просто смотреть на огонь в очаге, либо подняться по лестнице с остальными, чтобы при свечке сидеть рядом с мамой и слушать ее колыбельные.

Терес чаще всего оставалась внизу, а я поднималась наверх вслед за мамой и долго лежала в постели, сонно глядя на крохотный огонек, трепетавший от каждого сквозняка, отчего на потолке шевелились и путались тени. До-

ждавшись, когда все стихнет, я говорила шепотом:

— Мам, расскажи что-нибудь.

В этом возрасте меня одолевали вопросы, по-иски смысла жизни. Беспечные радости и нехитрые горести детства затерялись в прошлом, оставив после себя пустоту и голод познания, который, похоже, ничто не могло утолить. В школе я чувствовала себя невидимкой, просто одной из множества. Там мне, конечно, могли объяснить теорию относительности и позволяют ли нормы современного английского языка вставлять слова между частицей «to» и относящейся к ней неопределенной формой глагола. Что же касается бездны одиночества и безотчетных желаний, открывшейся вдруг во мне, то, казалось, никто бы не пожелал даже выслушать мой вопрос, не говоря уж о том, чтобы на него ответить. По воскресеньям я посещала церковь, слушала все, что там говорили об Иисусе, и верила каждому слову. Правда-правда! Вот только где найти человека, подтверждающего эти истории своей жизнью? Я начала разочаровываться.

Мою пятнадцатую весну понемногу сменяло лето; мне было интересно, встречу ли я

когда-нибудь того, кто будет открыто смотреть мне в глаза, извиняться всерьез, а не в шутку, плакать и не стесняться слез, спорить, ссориться — и все равно оставаться близким? Что же до слова «любовь»... над ним я только хихикала. Хотя именно любви моя душа жаждала до боли.

Возможно, мама все понимала. Наверное, она разгадала то, о чем я не говорила, в чем не признавалась даже самой себе, и поняла, что я отчаянно искала чего-то большего, чем улыбки, шуточки, банальность и легкомыслие. Меня занимал вопрос, а бывает ли так, что протянешь руку во мрак — и другая рука не отдернется, не оттолкнет, не останется равнодушно лежать, а ухватится за твою?

Все-таки жаль, что вы не знали моей мамы. Не слышали, как она рассказывала свои истории тихим, задушевым голосом. Хотелось бы мне совершить чудо — перенести вас в нашу комнату, озаренную огоньком, колыхавшимся от дыхания сонных детей, когда мама вдруг населяла ее людьми из далекого прошлого с их странными, необычными судьбами. Еще мне хотелось бы вспомнить в подробностях каж-

дый ее рассказ, но ведь с тех пор миновали годы и многое позабылось.

И все-таки я записала для вас часть маминых историй. Если выпадет тихая минутка, когда мысли стремятся на волю, прочь от суеты прошедшего дня, — прочитайте их. Я слушала их, когда мне было пятнадцать лет.

Мама утверждала, что все это — чистая правда. А я не помню такого случая, чтобы она соврала. С другой стороны, кто знает, что именно мама считала «правдой»? Иногда это слово и не имело отношения к фактам...

